

АРМЯНО-БОЛГАРСКИЕ СВЯЗИ 70-х ГОДОВ XIX ВЕКА ПО ДАННЫМ ОДНОЙ БОЛГАРСКОЙ РУКОПИСИ

Кирилла ВЪЗВЪЗОВО-КАРАТЕОДОРОВА (София)

Длительны и разносторонни армяно-болгарские связи¹, благотворному влиянию которых не помешала территориальная отдаленность двух народов. А некоторые общие моменты в их исторической судьбе, особенно тяжелые годы османского ига, доведшие до массовой эмиграции как армян, так и болгар, гонения, истязания, ссылки, привели к упрочению и углублению этих отношений. Вот почему они стали предметом ряда исследований², которые, естественно, осветили не все вопросы многосторонних армяно-болгарских дружеских связей, тем более что еще продолжается выявление соответствующих исторических источников.

Настоящая статья имеет конкретную цель: дать некоторые новые сведения об армяно-болгарских связях 70-х гг. XIX в. посредством анализа данных одной болгарской рукописи того времени относительно контактов между болгарскими национал-революционерами и армянскими патриотами, имевших место в Диарбекире в период с 1874 по 1878 гг.³

Автор этой рукописи, названной «Видрица»⁴, — священник Минчо Кынчев Стоянов (1836—1904), близкий соратник апостола свободы Васила Левского и его преемника Атанаса Узунска. Получив неплохое для того времени образование, М. Кынчев становится учителем в своем родном селе Арабаджиево (ныне Коларово, близ г. Старой Загоры), а в 1862 г. принимает духовный сан. Он участвовал в национально-церковной борьбе, вступившей в решающую фазу после Крымской войны, а также в движении за болгарское просвещение и культуру как школьный инспектор, организатор читален. Горячий патриот, свящ. Минчо активно включился в революционную борьбу и был одним из организаторов тайного революционного комитета в родном селе. Будучи осужден на нашедшем политическом процессе в связи с Хасковским покушением 1873 г. на вечную ссылку, он почти пять лет жил в Диарбекире, где в это время находились и другие болгары—

¹ Имеются сведения о связях между армянами и ирболгарами в начале II в. н. э.

² Особенно активны в этом отношении армянские исследователи С. В. Овнянян, А. Н. Нерсесян и др.; авторы, пишущие на армянском языке, к сожалению, нам недоступны.

³ С. В. Овнянян в своей монографии «Армяно-болгарские исторические связи и армянские колонии в Болгарии во второй половине XIX в.» (Ереван, 1968, 379 с.; издано и на болг. языке: Армено-български исторически връзки. София, 1972, 394 с.) посвящает этому периоду специальный раздел под заглавием «Диарбекирская кузница армяно-болгарской дружбы» (с. 90—109).

⁴ Хранится в национальной библиотеке «Кирилл и Мефодий», в Болгарском историческом архиве (НБКМ—ВИА, ф. 382, а. е. 1, лл. 1—1016). Слово «видрица» означает здесь «сборник, антология». Первая часть рукописи издана К. Вывызовым и Т. Тиховым (София, 1983) после сдачи настоящей статьи в редакцию.

участники национально-освободительного движения⁵. Все они были освобождены в 1878 г., по общей амнистии политических заключенных после русско-турецкой войны 1877—1878 г., приведшей к освобождению основной части болгарских земель от пятнадцатого турецкого рабства и к созданию болгарского княжества.

Рукопись охватывает события XVIII—XIX вв., поскольку автор записывал и чужие воспоминания, предания и проч., относящиеся к более раннему периоду. Будучи одновременно подробным автобиографическим сборником, своеобразной родовой хроникой, разносторонней летописью болгарской возрожденческой эпохи, сборником записок, путевых заметок, воспоминаний и копий писем автора и других лиц, «Видрица» в то же время насыщена фольклорными материалами. Еще предстоит оценить ее достоинства (и недостатки), кроме того, впереди изучение мемуарного и эпистолярного стилей рукописи, путевых заметок и беллетристики, содержащихся в ней.

Автор дает отрывочные сведения об армянах, живших в то время в некоторых болгарских селах. Более ценны воспоминания и записки о его контактах и контактах его друзей—П. Берковского, К. Доганова и др.—с армянами в диарбекирской ссылке; сразу же нужно отметить, что во многих отношениях эти воспоминания полнее и интереснее мемуаров его товарищей по участи. Встречи ссыльных болгар с местными армянами начинаются еще на пути в Диарбекир. Эти контакты с самого начала носили дружеский и сердечный характер. Реальная помощь, которую армяне, жившие в этих краях, оказали болгарским страдальцам, согревает их сердца, дает новые силы для борьбы, оставляя глубокие следы в их сознании. Со своей стороны болгарские национал-революционеры по-братски сочувствуют угнетенным армянам, благотворно влияют на армянских патриотов, вносят свой вклад в организацию их национально-освободительной борьбы.

Отправляют ссыльных из Стамбула морем 2 января 1874 г.⁶ После нескольких дней плавания их высаживают в порту города Александретты⁷. Отсюда верхом на мулах и пешком ссыльные направляются в Диарбекир. Их первая встреча с армянами произошла в с. Акбунар, после того как они миновали Антиохийское озеро (Каз-увасы). Об этом селе автор рассказывает: «После разрушения этого города землетрясением образовалось одно большое озеро, в котором водится крупная рыба. В оставшихся от города домах поселились люди и получилось это село—Акбунар, возле которого есть источник с теплой водой и купальня без ограждения и крыши. В этом селе есть армяне-христиане, и один из них был ханджия [турецк.—содержатель постоянного двора], у которого мы все бывали в гостях»⁸. После пережитых невзгод и часто враждебного отношения к ссыльным местных иноверцев встреча с армянами согрела их тоскующие по родине сердца.

⁵ Некоторые из них оставили воспоминания, подобно свящ. Минчо, см. Ст. Каракоство. Диарбекирски заточеници... София, 1946. Биографические сведения о Минчо и других ссыльных см. в кн.: Протоколи от съдебния процес срещу Ат. Узун и други подсъдими по Хасковското покушение през 1873 г. Под ред. на К. Вызвзова-Каратеодорсза. София, 1975.

⁶ Видрица, с. 732 рукописи.

⁷ В ориг. Скендерум.

⁸ Видрица, с. 739. Пропуски в цитатах из рукописи отмечены тремя черточками, а наши добавления заключены в квадратные скобки.

Такой же была встреча в следующем городе—Халебе⁹, где, как отмечает свящ. Минчо, «пришел один доктор-армянин и перевязал рассеченный лоб Кочева--- В Халебе мы отдыхали пять дней--- много еды и питья принесли армяне и арабы»¹⁰. Еще заботливее оказались армяне города Урфы (Эдессы)¹¹, о котором автор пишет следующее: «В этом городе нет турок, только арабы. А христиане—сирийцы и армяне--- Этот город Эдесса, в котором мы отдыхали три дня. Местные--- и арабы, и христиане¹²—добрые и человеколюбивые люди, они принесли нам хлеб и еду и накормили нас»¹³. В следующем городе—Сиверек¹⁴ болгары знакомятся с армянином-католиком, который снабжает их коньяком, крайне полезным при длинном и утомительном походе в холодную погоду. Помощь болгарам оказали и местный армянский архиерей и врач-армянин, о которых свящ. Минчо пишет: «А также мы виделись с армянским владыкой [т. е. архиереем] и с доктором, который дал нам коньяк--- В этом городе мы передохнули четыре дня. Бойчо¹⁵ оставили у армянского владыки в одной из комнат церкви»¹⁶. Владыка заботился о больном ссыльном до его выздоровления, а затем отправил его к друзьям в Диарбекир, сообщает далее священник Минчо. Доброе дело армянского духовника не было забыто болгарами, и когда в 1878 г. они возвращались в свои родные места тем же путем, они снова посетили владыку, чтобы поблагодарить его еще раз за заботу о товарище, которого уже не было в живых. Вообще, каждая встреча с армянами была для ссыльных радостным событием, потому что, как пишет свящ. Минчо, «страдания, которые мы пережили, невозможно ни передать, ни пером на бумаге описать»¹⁷.

После долгих лишений и тягот пути ссыльные наконец достигают Диарбекира, о котором они столько слышали еще на родине и который был для болгар символом тирании и гнета, царивших в Османской империи. Уже в день приезда в этот город-крепость они виделись с дружески настроенными местными армянами. Об этой встрече автор рассказывает: «Вечером пришли к нам диарбекирские православные арабы и сказали нам, что через три дня станут нашими поручителями, чтобы нас выпустили из тюрьмы и разрешили свободно ходить по городу--- После них пришли армяне. И они нас обнадежили, желая стать нашими поручителями и освободить нас из тюрьмы. Всем ссыльным болгарам, священникам и монахам, которые здесь уже по 18—20 лет, было разрешено передвигаться по городу свободно, благодаря поручительству диарбекирских христиан. Этим вечером армяне, сирийцы и православные арабы принесли нам хлеба и еды и накормили нас»¹⁸.

⁹ В ориг. Халеп.

¹⁰ Видрица, с. 741—742. Янко Кочов (Кочев), уроженец г. Чирпана, учитель в родном городе, владел несколькими языками, упоминается часто и дальше, так как был переводчиком болгар.

¹¹ В ориг. Урфава. Эдесса—старое название, которым автор тоже пользуется.

¹² Т. е. сирийцы и армяне.

¹³ Видрица, с. 744.

¹⁴ В ориг. Сюверек, кое-где и Сюрек.

¹⁵ Бойчо Русев из с. Гюреджий, ныне Преславен, район Старой Загоры. Заболел по дороге оспой. Совершил побег из Диарбекира в 1876 г., записался в добровольцы Болгарского ополчения, участвовал в боях под Ст. Загорой, где героически погиб в июле 1877 г.

¹⁶ Видрица, с. 747.

¹⁷ Там же, с. 750.

¹⁸ Там же, с. 753—754.

Особенно ценна приписка к письму свящ. Минчо от августа 1874 г. его духовному и идейному собрату, свящ. Костадину Новачкову в с. Топрак-хисар (ныне Землен, Старозагорско): «Заметка. Написал я ему несколько строчек химическими чернилами¹⁹, священник Костадин их секрет знает²⁰, вот они: Привезли нас сюда на даровщину, чтобы научили мы здешних армян, как надо работать. Организовали мы комитет: хаджи Петрос—председатель, он здесь телеграф-мюдюрю на французской проволоке²¹; Ованес-эфенди, воевода из Трапезунда, три года участвовал в Критском восстании; он банкир и меняла, о нем напишу вам в другой раз. Большие мы хитрецы, плачет по нас веревка, если что-нибудь узнают--- Никому не рассказывай об этом и сожги письмо»²².

В письме от 5 апреля 1875 г. тому же К. Новачкову автор опять приводит некоторые подробности о своих армянских друзьях и особенно о вышеназванном Ованесе²³, который был «ангелом-хранителем» болгарских ссыльных, особенно когда их перевели на тюремный режим из-за бегства нескольких человек. Вот что пишет об этом свящ. Минчо: «14 марта всех нас, ссыльных болгар в Д[иар]бекире, собрали и заперли в одну тюрьму, никого не спросивши. Эта тюрьма находится в средней крепости дворца, в полуразрушенных подвалах, через которые проходит вода, уже использованная в вышерасположенной тюрьме--- В другой крепости с железными воротами, охраняемыми днем и ночью стражниками, держали нас целую неделю очень строго—кто ел, кто нет,— не разрешая никому даже проходить мимо тюрьмы, не то что к нам прийти поговорить или хлеба на наши деньги купить. Ованес Харитинов эфенди, меняла, написал одно прошение--- в котором спросил, грешно ли, незаконно ли носить еду бедным заключенным? Ему ответили, что тем, кто может накормить бедных и голодных, позволено носить еду заключенным. Дождь льет как из ведра, Ованес подвернул штаны, нагрузил носильщиков хлебом, мясом, овощами, йогуртом, молоком, и сам взял тяжелую ношу и пришел к нам и принес продукты, а ноги у него были по колено в грязи. Он все устроил и принес всем нам: подстилки и одеяла, кастрюльки, ложки, уголь для того, чтобы готовить. Так Ованес-эфенди взялся утром и вечером вместе с носильщиками носить нам разное, и много раз оставался вечером в тюрьме и спал у Илича²⁴, потому что из-за сильного дождя не мог уйти». В конце этого очень длинного письма²⁵ автор повторяет: «Никого из нас еще не пускают в пород с охраной для покупки съестного. Эту должность

¹⁹ Такие химические чернила использовались в революционной корреспонденции, хранящейся ныне в болгарских архивах.

²⁰ То есть каким образом нужно проявить текст для прочтения.

²¹ Управляющий на французской почте. Этот хаджи Петрос упоминается и дальше в самых добрых выражениях. О создании такого комитета говорится и в других воспоминаниях. С. Овнаниян (указ. соч., с. 107) отмечает, что это был культурно-просветительский комитет «Айренасирац» (под председательством учителя Т. Завзаватчяна), переросший в общественно-политическую организацию с председателем Ованесом—см. ниже.

²² Видрица, с. 801.

²³ В ориг. Еванес Харитинов, Харитиянов. Скорее всего его настоящая фамилия — Арутюнян.

²⁴ Христо Илнев (Илнч), родом из Пазарджика, жил в Пловдиве, где закончил греческое училище и занимался торговлей; один из активных членов революционного комитета в Пловдиве и его казначей.

²⁵ Видрица, с. 851—854.

Ованес-эфенди исполняет». Ясно, что в письме, которое могло попасть в руки цензуры, свящ. Минчо не мог описывать деловые разговоры, которые вели Ованес и его болгарские приятели в тюрьме, особенно теми ночами, когда он оставался там спать. А такие разговоры несомненно имели место: нельзя забывать, что Ованес был одним из активных общественно-политических деятелей, его выбрали воеводой, т. е. военным инструктором тайного революционного комитета, как сообщает ранее свящ. Минчо. А по воспоминаниям других, мы уже говорили, он становится и председателем комитета.

Автор рукописи явно высоко ценил своего нового друга Ованеса, поэтому он торопился известить своих близких в Болгарии, что они могут быть спокойны, пока у болгарских ссыльных есть такой покровитель. В письме своему брату Георгию Кынчеву от 12 июня 1875 г. свящ. Минчо пишет: «Нет настоящих господ, кроме Ованеса-эфенди, банкира, нашего благодетеля, который помог бедным сосланным и без всякой справедливости униженным болгарам, беспощадно брошенным в грязные и сырые диарбекирские подземелья. Ованес-эфенди Харитинов происходит из армян, родом из Трапезунда. Сестра его замужем за греком по имени Апостол, он диарбекирский гюмрюкчия [турец.— сборщик податей], но не из местных жителей. Апостол наш сват. Его дочь вышла замуж за Милоша²⁶, ссыльного из свиштовских, который освобожден и живет здесь. И поэтому Ованес-эфенди здесь засиделся. Он через свою сестру тоже приходится нам сватом»²⁷. Так что к порожденным гуманностью чувствам дружбы и сострадания со стороны Ованеса в адрес болгар прибавляются родственные чувства.

Но не только отдельные армяне проявляют человеколюбие по отношению к болгарским ссыльным, вся армянская община со вниманием относится к их судьбе. Из рукописи видно, что армянская и другие христианские общины в Диарбекире взяли на себя инициативу содействовать освобождению болгар, о чем упоминается и в других источниках²⁸. Без сомнения, эти действия внесли свою лепту в облегчение тяжелой участи ссыльных, которые днем и ночью думали, как вырваться из тюрьмы.

Естественно, что первой их мыслью было устроить все легальным путем—просьбами и прошениями добиться освобождения; об этом свящ. Минчо пишет: «От диарбекирских общин очень настаивали, чтобы нас выпустили из этой проклятой тюрьмы— Мы телеграммы отбивали и прошения в Стамбул²⁹ посылали Бабаали». Гарантию хорошего поведения заключенных дали «арабский и армянский владыки—г. г. Якобос и Филиппос»³⁰. Но местный паша Исмаил, курд по происхождению, мешал всем начинаниям со стороны общин и самых ссыльных. И последние решают его убрать, «когда он придет на поклон во дворец Хазрети Сулеймана джамеси, и будь что будет»³¹. Но сначала решили посоветоваться с каким-нибудь умным и влиятельным человеком. Остановились на местном армянском владыке Филиппосе, «был он из Русской Армении, из Эчмиадзина³², знал и русский, и [церковно-]славянский; раз-

²⁶ Милош Василев, член Свишовской тайной организации с 1867 г.

²⁷ Видрица, с. 884—885, 854.

²⁸ Там же; Ст. Каракостов. Указ. соч.

²⁹ В ориг. Цариград.

³⁰ См. Видрица, с. 899—900, 930—1000.

³¹ Там же, с. 930.

³² В ориг. Юч-Меезин.

товаривали мы и на славянском, и на болгарском, так или иначе поняли друг друга. Сказали мы ему, что надумали сделать. Он ответил, что дошли до него слухи о том, что пришло насчет нас письмо из Стамбула, но прячут его--- Охрана, которая с нами была, слушает, как мы разговариваем, но что они могут понять--- Филиппос после нашего посещения пошел к курду Исмаил-паше и потребовал у него приказ, присланный из Стамбула по поводу ссыльных болгар. Курд-паша ответил, что такого приказа он не получал, слово за слово, разругались они, и курд-паша, с которым никто еще не держался так смело, сказал владыке Филиппосу: Да ты знаешь, кто я такой?!—А владыка ответил: Не знаю, кто вы.—Я курд-паша.—А я так—ван-кѣлэ³³, узнаешь ты меня, паша-эфенди,—сказал владыка и вышел из меджлиса. Эту новую радость нам принес Ованес-эфенди Харитинов, банкир и болгарский благодетель в диарбекирских темницах³⁴.

В то время в Болгарии вспыхивают два восстания—Старозагорское в сентябре 1875 г. и Апрельское в 1876 г., что приводит к ужесточению режима ссыльных. Но диарбекирские друзья поддерживают их веру в близкое освобождение, заботятся о продвижении просьб по инстанциям; это видно из письма отца свящ. Минчо, Кынчо Стоянова, от апреля 1876 г.³⁵ Когда ссыльные убедились, что из этой затеи ничего не получится, они решили бежать. В письме своему отцу от 18 октября 1876 г. свящ. Минчо после сообщения о предстоящем побеге нескольких ссыльных, в том числе Георги Данчова, Мирчо Попова, Г. Хаджииванчева, Димитра Пышкова, Марина Поплуканова³⁶, пишет: «Поэтому договорились мы, навеки сосланные, послать нескольких человек из армян, которых слышно, но не видно³⁷, в Стамбул, откуда они нам привезли револьверы, сабли и пару пистолетов--- И скроили мы такой план: пройдем через Арабию и Великую Армению, через пограничную реку на русско-турецкой границе и, перейдя реку, попадем в Русскую Армению, а после в город Эчмиадзин³⁸. Предварительно послали двоих армян разузнать дорогу³⁹. Таким образом, налицо активное участие армянских патриотов в подготовке к побегу.

Но побег откладывается, так как режим становится еще строже, а международное положение меняется. Проведение Стамбульской конференции, упорные слухи о войне между Россией и Турцией и другие события будят надежду на скорое освобождение из ссылки другим путем. Однако тяжелая жизнь в Диарбекире сломила силы некоторых ссыльных и они доживали свои последние дни. Об этих страдальцах заботились не только их соотечественники, но и друзья-армяне, и опять больше всех Ованес. Благодаря ему был найден лекарь и обеспечены

³³ «Собака из г. Ван», т. е. «и я не прост».

³⁴ Видрица, с. 930—931.

³⁵ Там же, с. 984.

³⁶ Г. Данчов, художник из Чирпана, член местного комитета, близкий соратник В. Левского; М. Попов, учитель в Хасково и деятельный член местного комитета; Г. Хаджииванчев из Хаскова, торговец, член комитета, вместе с Данчовым и Поповым осужден на Хасковском процессе; Д. Пышков и М. Поплуканов из Ловеча, деятельные члены местного комитета и близкие соратники В. Левского.

³⁷ Т. е. членов армянского революционного комитета.

³⁸ Видрица, с. 1023—1024.

³⁹ Там же.

лекарства⁴⁰ тяжело больному священнику Еньо Попдимитрову⁴¹, лучшему другу свящ. Минчо, но ничто не могло спасти больного. Похороны были организованы в соответствии с его саном и заслугами перед отечеством: на них позвали «людей из христианских общин, священников из церквей—арабского священника, армянских священников--- Священника Еньо отпели семь раз семь национальностей--- Один молодой армянский священник, когда пел над усопшим, заставил христианок и турчанок подняться на крыши их домов, чтоб смотрели они и слушали: что это за голос и что это за смерть, и какое это чудо»⁴².

В это время приходит весть о русско-турецкой войне. Болгары и армяне принимают ее с радостью и верой в освободительную миссию русских армий. Они как будто заключили соглашение использовать любую возможность, чтобы внести свою лепту в благоприятный исход войны. Пример подали члены армянского революционного комитета в Диарбекире, как отмечает свящ. Минчо: «Ованес-эфенди Харитинов, у которого хранились мои деньги, пришел ко мне в два часа ночи, отдал их мне в тюрьме и простился со мной, сказав мне: Завтра вечером тронется в путь наш армянский комитет в сторону Вана и Муша»⁴³. Связь между комитетом и русским командованием в некоторых случаях осуществлялась через болгарских ссыльных. В этом нас убеждает следующий пассаж: «До сих пор уже двое русских лазутчиков приходили к нам в тюрьму и спрашивали, сколько солдат в Диарбекире и много ли еды. Они были русскими армянами. И хотя все верно им рассказывают в армянском комитете, они и к нам имеют большое доверие и записали всех нас по именам»⁴⁴. О русских разведчиках-армянах, приходивших в Диарбекир, рукопись сообщает и далее.

В июне 1877 г. на болгарских ссыльных обрушилось несчастье: умер Ованес, их покровитель. По этому поводу свящ. Минчо пишет: «Наш благодетель Ованес-эфенди Харитинов, меняла из Трапезунда, предстал пред господом нашим 26 июня. Вечная ему память, прости его, господи. О, какое великое несчастье для нас, какая отрава, какая черная и страшная весть, о которой мы и не думали услышать! И то где, в грязной темнице, где все мы ищем опору, которая бы нас поддержала--- Был он парень лет 38-ми, родом из армян. С ним мы ни в чем не нуждались. Каждый вечер, как только закроют лавку, приходит к нам в тюрьму и, улыбаясь, спрашивает: ---Что вам будет нужно на завтра? И мы ему закажем, что нам нужно, и утром все принесено с носильщиками; деньги есть или нет, не спрашивает--- И много раз спал с нами ночью в тюрьме--- Ованес всегда был улыбочивый и веселый. И с 50-ю человеками разговаривает---всем ответит--- Когда он умер, три раза ходили мы просить начальника, чтобы пустил проститься с телом, но никого не пустили, потому что смерть его нашла на поле сражения возле Диарбекира. И после его смерти два вечера я оставался без хлеба и ложился голодным в тюрьме»⁴⁵. Болгары не забыли своего благодетеля: «4-го сентября 1877 г. в воскресенье попросили мы, чтобы в церковных общинах сказали народу, что болгары будут справлять по-

⁴⁰ Там же, с. 1027.

⁴¹ Родом из с. Гюнелн-махле (ныне Любенова махала, Сливенски окр.), член комитета в родном селе, умер 9 августа 1876 г., похоронен в Диарбекире.

⁴² Видрица, с. 1033—1035.

⁴³ Там же, с. 1033—1035, 1081.

⁴⁴ Там же, с. 1081, 1140.

⁴⁵ Там же, с. 1083—1085.

минки поменял Ованесу Харитинову в армянской церкви, где он погребен--- Сварили мы пшеницу с сахаром по-нашему, здесь ее не готовят так. Учитель Янко Кочев написал речь на турецком языке, потому что здесь мужчины и женщины знают турецкий как родной язык--- Пошли мы в армянскую церковь к гробнице, в которой он захоронен--- Поставили столики с пшеницей, зажгли факелы, раздали свечи священникам и народу, сколько было. Потому что народу пришло много--- яблоку негде было упасть--- 1. Сначала мы взялись и совершили обряд. 2. Армянские священники. 3. Сирийские священники; и так от всех национальностей священники—по очереди. После, когда--- Кочев произнес слово, у болгар слезы покатались градом из глаз--- Раздали мы пшеницу, платили священникам и тем, которые принять не хотели--- И начали местные обсуждать между собой: Вай бабам, что такого сделал этот чужестранец для болгар, что они так его уважают и плачут о нем--- Армянский владыка Филиппос нас пригласил и мы были у него в гостях»⁴⁶.

Разумеется, утрата была невозполнимой, но, к счастью, у болгар были и другие приятели, о которых священник Минчо так же неоднократно вспоминает,—владыка Филиппос, армянин Цико, протестантский проповедник-армянин Томаз, хаджи Гарабед⁴⁷. И прежде всего хаджи Петрос, приятель и единомышленник Ованеса, который продолжает заботиться о своих болгарских друзьях. Он и принес им, рискуя пограть должность на почте, радостную весть об амнистии. Об этом свящ. Минчо пишет: «19 марта [1878 г.] вечером под воскресенье я нес службу в церкви Св. Мар Козма--- Вечером, кончив читать, я лег спать. Этой ночью часам к 6-ти пришла телеграмма по французской проволоке о нашем освобождении. Телеграф-мюдюрю хаджи Петрос, армянин, как только принял телеграмму, ее переписал и дал священнику Георгию Дакову Тутманникову⁴⁸--- и сказал ему: Веселитесь, радуйтесь, но молчком, чтоб не узнали другие до завтра, до трех часов по-турецки, пока не отнесу телеграмму вали-паше». Автор продолжает: «Какое же сердце утерпит молчать?! Разволновались все в тюрьме. У кого салные свечки были, зажгли их, и кто водку припрятал, выпил ее. Стражники их спрашивают: Что это вы веселитесь посреди ночи?—А они им ответили, что эта ночь наша «Лоло геджеси» [араб.-турецк.—Новый год], так мы ее справляем»⁴⁹. Когда же было получено официальное подтверждение от властей относительно этого великого события, все местные христиане и политические заключенные других национальностей радовались вместе с болгарами.

Болгарские национал-революционеры, которые всегда себя проявляли как истинные интернационалисты, оказали тогда большую услугу своим братьям по борьбе: «сколько--- греков, армян и других христиан было сослано сюда, всех их мы освободили, записав в наше число: болгары. Они нам очень благодарны за этот поступок»⁵⁰.

Перед отъездом на освобожденную родину «ссылные отслужили торжественную службу. «Учитель Янко Т. Кочев произнес речь на турецком языке, во время нее не видно было диарбекирца, который бы

⁴⁶ Там же, с. 1102—1103.

⁴⁷ О некоторых из них имеются сведения и в воспоминаниях других ссыльных, см. Ст. Каракостов. Указ. соч.

⁴⁸ Осужден на Софийском процессе 1872/73 гг.

⁴⁹ Видрица, с. 1151—1155.

⁵⁰ Там же, с. 1162.

не плакал--- В заключение своей речи он выразил благодарность от имени нас, болгар, диарбекирским христианам из церковных общин за то, что они о нас заботились и были нашими поручителями». Трогательны были и сами проводы: «Диарбекирские учителя и их ученики из арабских, армянских, сирийских, халдейских и других христианских учеников выстроились в два ряда там, где мы должны пройти, с зелеными букетами в руках, и поют--- Диарбекирские мужчины и женщины вместо «ура»---«льо-льо-льо» кричат и хлопают в ладоши--- Прощайте, прощайте, и мы тронулись--- За нами около 25—30 человек конных диарбекирских приятелей поехали нас провожать». Простившись со своими местными друзьями, болгары отправились на родину по тому же пути, по которому приехали, но сейчас они были свободны и счастливы. К тому же, как сообщает священник Минчо, «в какой город ни приедем, ждет нас отбитая из Диарбекира телеграмма из армянской общины и уже собрали здесь добровольные пожертвования, и по приезде нам их несут, и эти средства разделили мы между бедными среди нас»⁵¹. Так дружба армян сопровождала каждый шаг болгар по чужой земле.

Перевод с болгарского Ирины Симеоновой

ՀԱՅ-ԲՈՒՂԱՐԱԿԱՆ ԿԱՊԵՐԸ XIX ԴՍՐԻ 70-ԱԿԱՆ ԹՎԱԿԱՆՆԵՐԻՆ
ԸՍՏ ԲՈՒՂԱՐԱԿԱՆ ՄԻ ԶԵՌԱԳՐԻ ՏՎՅԱԼՆԵՐԻ

Կիրիա ՎԸՉՎԸՉՈՎԱ-ԿԱՐԱԹԵՌՈՐՈՎԱ (Սոֆիա)

Ա մ փ ո փ ո ս մ

Զեռագիրը, որ կոչվում է «Վիրիցա», պահվում է Սոֆիայի «Կիրի և Մեթոդի» ազգային գրադարանում: Նրա հեղինակը բուլղարացի հոգևորական, ուսուցիչ, լուսավորիչ, հասարակական և ազգային-հեղափոխական գործիչ Մինչո Կընչև Ստոյանովն է (1836—1904 թթ.), Վասիլ Լևսկու և Աթանաս Ուզունովի մերձավոր դիակիցը: 1873 թ. նա դատասպարտվել էր ցմահ արսորի և ուղարկվել Դիարբեքի, որտեղից վերադառնում է 1878 թ.: Զեռագիրը, որը և՛ ինքնակենսագրական ակնարկ ու յուրատեսակ սոցիալական ժամանակագրություն է, և՛ բուլղարական վերածնության ժամանակաշրջանի բազմակողմանի տարեգրություն, և՛ ուղեգրությունների, հուշագրությունների, հեղինակի և այլ անձանց նամակների պատճենների ժողովածու, հագեցված է նաև բանահյուսական նյութերով: Նրա ծավալն է ավելի քան 2000 մեծադիր էջ:

Ներկա հոդվածում վեր են հանվում և քննվում ձեռագրի պարունակած այն տեղեկությունները, որոնք վերաբերում են Դիարբեքի արսորված բուլղարների ու տեղացի հայերի կապերին 1874—1878 թթ. և հատկապես հայ և բուլղարացի ազգային-հեղափոխականների համատեղ գործողություններին և փոխադարձ ազդեցություններին: Այս հարցերի մասին տեղեկություններ կան նաև Դիարբեքիում գտնված ուրիշ բուլղարացի արսորականների հիշողություններում, բայց քանիստ Մինչոն հաղորդում է պակաս մանրամասնություններ, երբեմն էլ նույնիսկ մինչ այժմ անհայտ մնացած փաստեր, իրադարձություններ և անուններ: Գա մեզ հնարավորություն է տալիս լրիրավ պնդելու, որ «Վիրիցան» ոչ միայն հաստատում և ճշտում է մեր դիտելիքները անցյալ դարի 70-ական թթ. հայ-բուլղարական բարեկամության մասին, այլև նոր էջեր է բացում այդ ասպարեզում:

⁵¹ Там же. с. 1164, 1167, 1168, 1172. Вторая часть «Видрицы», касающаяся событий с 1878 по 1903 гг., подготавливается к печати. В ней также встречаются, хотя и отрывочно, сведения об армяно-болгарских контактах.